

РЕЭМИГРАЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ СТАРООБРЯДЦЕВ ДОБРУДЖИ В 1860-е гг.: МЕЖДУ РЕЛИГИЕЙ И ПОЛИТИКОЙ¹

Аннотация.

Актуальность и цели. В ходе реэмиграционного движения старообрядцев Добруджи в 1860-е гг. его лидеры впервые поставили перед российским правительством в качестве условий своего возвращения в Россию признание старообрядческой белокрыницкой Церкви, ее иерархии и освобождение из тюрьмы заключенных за религиозные убеждения старообрядцев. Изучение самого движения, сопутствовавших ему обстоятельств и мотивации каждой из сторон способствует углублению понимания не теряющей свою актуальность проблемы отношений государства и церкви.

Материалы и методы. В основу статьи положены документы, полученные в архивах России и Украины. Их комплексное изучение позволяет объективно и разносторонне рассмотреть вопрос о реэмиграционном движении некрасовцев в 1860-е гг.

Результаты. Заграничные старообрядцы смогли поднять вопрос о свободе вероисповедания в России именно в силу своего пребывания за пределами Отечества, руководствуясь не только собственными интересами, но и интересами собратьев в России. В том, что этот вопрос был поставлен как первоочередной, – заслуга лидеров старообрядцев-некрасовцев еп. Аркадия и О. С. Гончарова. В работе дан анализ роли российских дипломатов в реэмиграционном движении зарубежных старообрядцев.

Выводы. Требование свободы религии, освобождения узников совести было новым явлением для заграничных старообрядцев, новой формой борьбы за собственное право на обретение Отечества и за гражданские права старообрядцев в России. Несмотря на заинтересованность в возвращении старообрядцев, несмотря на проведение реформ, правительство было не готово к смене своего политического курса в религиозной сфере.

Ключевые слова: внутренняя политика, свобода вероисповедания, реэмиграция, старообрядцы-некрасовцы, Добруджа, Россия, еп. Аркадий, Осип Гончаров.

S. A. Inikova

DOBROGEA: THE REMIGRATION MOVEMENT OF OLD BELIEVERS IN THE 1860s: BETWEEN RELIGION AND POLICY

Abstract.

Background. During reemigration movement of the old believers of Dobrogea in 1860th, its leaders for the first time put before the Russian government as a condition

¹ Работа выполнена по теме НИР № 0177-2018-001 «Народы России в современном мире. Этнокультурное и этнодемографическое развитие».

© 2018 Иникова С. А. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

of his return to Russia recognition belokrinitskaia old believers Church, its hierarchy, and the liberation from prison inmates for religious beliefs of old believers. The study of the movement itself, the circumstances that accompanied it and the motivation of each of the parties contribute to the deepening of understanding of the state-Church relationship that does not lose its relevance.

Materials and methods. This article is based on documents obtained in the archives of Russia and Ukraine. Their comprehensive and objective study allows us to consider the issue of reemigration movement of Nekrasovs in the 1860s.

Results. The demand for freedom of religion, the release of prisoners of conscience – was a new phenomenon for foreign old believers, a new form of struggle for their own right to gain the Fatherland and civil rights of old believers in Russia. Foreign old believers were able to raise the issue of freedom of religion in Russia precisely because of their stay outside the country, guided not only by their own interests, but also by the interests of their colleagues in Russia. That this issue was raised as a priority, – the merit of the leaders of the old believers-Nekrasovs bishop Arkady and O. S. Goncharov. The paper shows the role of Russian diplomats in the reemigration movement of foreign old believers.

Conclusions. The demand for freedom of religion, the release of prisoners of conscience – was a new phenomenon for foreign old believers, a new form of struggle for their own right to gain the Fatherland and civil rights of old believers in Russia. Despite the interest in the return of the old believers, despite the reforms, the Russian government was not ready to change its political course in the religious sphere.

Key words: internal policy, religious freedom, reemigration, the old believers-Nekrasovs, Dobrogea, Russia, bishop Arkady, Osip Goncharov.

Во второй половине XVIII – первой половине XIX в. на территории Добруджи, до 1878 г. входившей в состав Турции, сложилась многочисленная русская диаспора старообрядцев. Первоначально основу ее составляли казаки-некрасовцы, но постепенно к ним присоединялись старообрядцы неказачьего происхождения, на которых распространялись права, обязанности и наименование переселенцев. Российское правительство было заинтересовано в их возвращении из-за рубежа, поскольку беглые российские подданные за границей были наглядным свидетельством неудач внутренней политики правительства и элементом, который при удобном случае могли использовать против России иностранные державы, что они и попытались сделать в Крымскую войну (1853–1856 гг.). Однако, неоднократно приглашая своих соотечественников и их потомков вернуться в Россию, правительство не собиралось менять свою религиозную политику.

Российские и зарубежные старообрядцы, подавая адреса на имя Николая I, а потом Александра II, обычно ограничивались выражением верноподданнических чувств и отдельными конкретными просьбами, касавшимися вопросов культовой практики. В 1861 г. на поднимавшейся волне реэмиграционного движения лидеры добруджинских старообрядцев впервые потребовали от российского правительства введения в стране свободы вероисповедания. И хотя это требование касалось только древлеправославной Церкви, а идеологи старообрядчества убеждали правительство, что они вне политики, что их дело «религиозное, а не враждебное, религия ищет свободы совести, а не крови» [1, л. 4 об.], но это было четко сформулированное ультимативное политическое требование. Смелая и даже дерзкая позиция старообрядцев бы-

ла обусловлена тем, что они находились за пределами страны и могли сделать то, что было в тот исторический период невозможно для их российских собратьев. Этот факт остался незамеченным историками, а между тем каждое подобное событие важно для изучения взаимоотношений государства и старообрядческой Церкви и касается очень значимой и всегда актуальной проблемы церковно-государственных отношений.

После восшествия на престол в 1856 г. императора Александра II в России началась подготовка реформ, самой главной из которых было освобождение крестьян от крепостной зависимости. Заграничное русское общество с большим интересом и сочувствием воспринимало преобразования в стране. Образ новой России, формировавшийся в 1860-е гг., в глазах заграничных русских становился все более привлекательным.

В то же время, несмотря на победу в Крымской войне и проведенные в конце 1850-х гг. реформы, темпы развития феодальной Турции все больше замедлялись, налоги росли, не прекращались национальные движения на подвластных Турции балканских землях. После Крымской войны началось переселение из России в турецкую Добруджу крымских татар, а в начале 1860-х гг. в Турцию пошли черкесы, поток которых с 1865 г. направился в Добруджу. Среди старообрядцев росли неудовлетворенность своим нынешним положением и обеспокоенность будущим.

Накануне этих событий 18 января 1860 г. Александр II высочайше утвердил правила по переселению в южные губернии России болгар и других славян с территорий, подвластных Турции. Переселенцам предоставлялись налоговые льготы, пособия и освобождение их и их детей от рекрутской повинности. Все это воспринималось заграничными русскими как добрый знак и заставляло их задуматься о возвращении в Россию, тем более что за годы войны казаки-некрасовцы утратили часть льгот, которыми они издавна пользовались как военное сословие.

Еще в первой трети XIX в. произошли два исхода старообрядцев из Добруджи в Россию, но с тех пор ситуация внутри самого заграничного старообрядчества существенно изменилась: в 1846 г. большая часть некрасовцев признала перешедшего в старообрядчество боснийского митрополита Амвросия и поставленную им иерархию. За границей, а затем и в России возникло новое белокриницкое согласие.

Теперь для заграничных старообрядцев, так упорно и долго добивавшихся восстановления иерархии, массовая реэмиграция без своих епископов и священников стала просто невозможна, а правительство не только не признавало за белокриницким согласием права на свою самостоятельную Церковь в России, но стремилось искоренить ее заграничную иерархию. В ходе Крымской войны во время занятия Добруджи русскими войсками в 1854 г. были вероломно схвачены и увезены в Россию архиеп. Славский Аркадий (Дорофеев) и еп. Тульчинский Алимпий (Вепринцев). Архиереи были заключены в Суздальский Спасо-Ефимьев монастырь, где в 1859 г. Алимпий умер, а Аркадий пробыл в тюрьме 27 лет и был освобожден только в 1881 г. Решить проблему освобождения архиеп. Аркадия и других томившихся в заключении старообрядцев можно было в том случае, если бы правительство признало право белокриницкого согласия на Церковь и архиерейство, а реэмиграция

добруджинских некрасовцев на родину была возможна только после решения этих двух взаимосвязанных проблем.

Мысль о возвращении в Россию возникла у них после обнародования правил 18 марта 1860 г. [2, л. 118 об.]. Значительную роль в поддержании ре-эмиграционных настроений среди старообрядцев в 1860-е гг. сыграли три российские дипломата: агенты в Измаиле и Галаце братья А. С. и П. С. Романенко и вице-консул в Тульче А. Н. Кудрявцев. Как все образованные люди их круга, эти дипломаты приветствовали реформаторскую деятельность императора и несколько преувеличивали либеральные тенденции во внутренней политике. Несмотря на весьма предвзятое отношение к старообрядцам в целом (иначе и быть не могло), они испытывали к некрасовцам неподдельный интерес, а по карьерным соображениям были заинтересованы в их возвращении.

7 апреля 1861 г. еп. Славский Аркадий (Шапошников), занявший место увезенного в Россию архиеп. Аркадия (Дорофеева), сообщил митр. Кириллу в Белую Криницу, что измаильский консул (агент А. С. Романенко) объявил молочанам, что получил повеление принимать молочан и старообрядцев, «что русский царь дает всем религиям полную свободу и позволит епископам и священникам выходить в Россию в своем звании <...> И наши сельские старосты собираются в Измаиле к консулу дать первый вопрос, чтобы заточенных из крепости освободить, и если увидят справедливость, то подадут желание в Россию <...>» [3, л. 1д об.].

Хотя Аркадий ссылался на измаильского агента – лицо официальное, но на самом деле «русский царь» ничего подобного не обещал. А. С. Романенко с умыслом или по недомыслию, но ввел некрасовцев и их епископа в заблуждение, и в дальнейшем его позиция была крайне странной и непоследовательной.

Во второй половине 1850-х – в 1860-е гг. среди старообрядцев Турции очень большую роль играл еп. Аркадий (А. Р. Шапошников) – уроженец Черниговской губернии, бывший настоятель Лаврентьева монастыря в России, в 1854 г., незадолго до вступления русских войск в Добруджу, рукоположенный в епископа Славского. Российские консулы с некоторой иронией, а старообрядцы всерьез, называли его «путеводителем». После ареста архиереев в 1854 г. еп. Аркадий крайне негативно относился к высшей российской власти и называл Александра II «северным деспотом», «северным поветрием» – поветрием обычно именовали холеру или чуму, – предлагал митр. Белокриницкому Кириллу жаловаться на него императору Франции Наполеону III, европейским державам и даже Папе, чтобы те заставили русского царя освободить архиереев и дать «ослабу всем древлеправославным христианам в своей земле» [3, л. 1г – 1г об.]. У Аркадия, не питавшего особенных иллюзий, тем не менее возник замысел использовать ситуацию и попробовать добиться от правительства освобождения узников Спасо-Ефимьева монастыря и вынудить его не просто дать «ослабу», а признать белокриницкую Церковь.

Ближайшим единомышленником и помощником епископа стал его друг, бывший одно время атаманом добруджинских некрасовцев, ходатай по делам своих единоверцев Осип Семенович Гончаров – личность в те годы очень известная среди заграничных и российских старообрядцев. В апреле 1861 г. Гончаров по каким-то делам поехал в Константинополь. Пребывая там, в первых числах мая он получил от еп. Аркадия письмо, датированное

29 апреля 1861 г., в котором тот просил его обратиться в российское консульство, чтобы оно исходатайствовало некрасовцам право на переселение в Россию.

Гончаров явился к чрезвычайному посланнику и полномочному министру при Порте Оттоманской кн. А. Б. Лобанову-Ростовскому и принес с собой письмо еп. Аркадия, которое явно было рассчитано на прочтение чиновниками консульства. В письме еп. Аркадий изложил претензии к Турции и отметил, как хорошо теперь жить в России, т.е. экономический фактор играл не последнюю роль, но возможность переселения обговорил 14 пунктами, без принятия которых старообрядцы туда не пойдут. По словам Аркадия, эти пункты были подготовлены им вместе с Романенко, «ибо он нам наказывал, что и духовенству можно выходить». Приведем эти пункты полностью:

«1. Освободить заточенных епископов, священников и иноков, осужденных за религию.

2. Возвратить наши монастыри и церкви со всею принадлежностью, и в монастырях позволить быть иночествующим, и дабы духовная власть не вмешивалась в старообрядческие дела, а были бы управляемы своими епископами.

3. Если его императорскому величеству благоугодно было сообщить султану о свободном выезде нам в Россию, а русское правительство, чтобы позволили нам при своих званиях, как то: епископам, священникам и инокам и прочим со всею церковною утварью следовать на места, где нам будет определено.

4. Просим высочайшей милости даровать нам право возобновлять монастыри, церкви и богоугодные заведения и прочия тому подобные.

5. В монастырях престарелых дабы были уволены от подушного оклада, а как без молодых людей ради работ нельзя обойтись, позволено бы было иметь до сорока лет, не исключая из податного звания.

6. Не преследовать нас за мнения наши о вере, ибо вера наша не тайная, не имеет никаких особых мудрований, основанная на книгах пяти патриархов московских от Иова и до Иосифа патриарха.

7. Если угодно будет правительству позволить нам оправдаться публично, что мы не есть раскольники, книги наши докажут, что мы есть христиане; а сие тщетно на нас наложено от нерассмотрения духовной власти.

8. Преступникам всем, явившимся из-за границы, просим все милостивейшего монаршего прощения, дабы все являлись без сомнения, хотя бы и на свои места.

9. А которые по разным делам не успеют в назначенный срок выехать в Россию, позволить им дать отсрочку.

10. Надеемся получить все милостивейшую льготу, даруемую не токмо подданным, но и иностранцам, поступающим в державу Российскую.

11. Старообрядцы, поступающие в военную службу, присягу принимали бы по своей религии, также и на службе; ежели бы имели своих духовников и не имели бы притеснения к перемене религии, и шли бы с упованием против врагов, в защиту царя, церкви и своего Отечества.

12. Как всем вероисповеданиям позволено открытое богослужение, так и мы просим, как есть сыны отечества, позволить нашему священству явное богослужение, а паче всего, духовники обязаны проводить мертвое тело

в утешение оставшемуся роду, и вычитать умершему разрешительныя молитвы. Жидам, скопцам и молоканам прилично своими тайнами провожать свою дружину, мы же за что лишены священного обряда и близь двух сот лет скитаемся по чужим державам?

13. Освобождение крестьян, непреследование религии, уважение, сказанное в 11 и 12 пунктах, может совершенно уничтожить побег за границу, и так, наконец:

14. Корабль без кормила, а христианство без хиротонии быть не может, того ради и просим его императорское величество, чтобы позволено было нашим архиереям производить хиротонию для своих единоверных обществ» [4, л. 11–14].

Эти 14 пунктов очень хорошо продуманы и охватывают все стороны отношений между государством и православной церковью, с одной стороны, и белокрыничскими старообрядцами, с другой. Они в равной мере отвечали интересам как реэмигрантов, так и российских старообрядцев. Только один пункт касался получения «льгот», на чем обычно акцентировали внимание все переселенцы, но и здесь ничего особенного для себя старообрядцы не требовали, а только то, что даруемо всем, в том числе приезжавшим в страну иностранцам. Реализация этих пунктов означала бы признание права древле-православной Церкви на самостоятельное существование, ее равенство с государственной православной.

Спустя четыре года в донесении посланнику в Константинополь Романенко упомянул, что еще в 1860 г. Аркадий предлагал ему составить проект условий переселения в Россию, но якобы тот проект, в составлении которого Романенко участвовал, не был принят, а императорской миссии был представлен другой [2, л. 118 об.]. Однако еп. Аркадий прямо указал на Романенко как на соавтора.

Для Аркадия эти 14 пунктов были пробным шаром, чтобы понять, к чему готово правительство, но он слишком высоко поднял планку, лишив чиновников возможности вообще что-то обсуждать. Еп. Аркадий как человек умный не верил, что действительно настал момент для возвращения, что правительство готово изменить свою политику в отношении старообрядцев, что их не обманут и вернувшиеся в Россию архиереи, в том числе и он сам, не окажутся в Суздальском монастыре рядом с архиеп. Аркадием (Дорофеевым); но народ смотрел на «путеводителя» и ждал от него решения, да и в Добрудже ситуация для христианского населения с вселением татар и черкесов существенно ухудшалась.

Письмо еп. Аркадия было переслано из Константинополя в Петербург и пошло по инстанциям. Министр иностранных дел кн. А. Горчаков в письме к министру внутренних дел от 22 июня 1861 г. сразу же сформулировал главное: переселение старообрядцев Добруджи не может состояться до тех пор, пока они не будут уверены в возможности «беспрепятственно исповедовать свою веру», но их чрезмерные условия «нельзя будет не отклонить» [3, л. 7 об.]. Вместе с тем, исходя из интересов своего ведомства, Горчаков полагал, что необходимо воспользоваться стремлением старообрядцев вернуться в Россию, чтобы ликвидировать за границей притон для беглых русских и чтобы присутствие русских в Турции не давало повода ее властям выставлять деятельность российского правительства в неприглядном виде перед славянами,

да и получить трудолюбивое население в лице некрасовцев тоже было бы неплохо [3, л. 7]. Только благодаря настойчивости Горчакова правительство все же приступило к изучению вопроса.

В марте 1862 г. процесс его рассмотрения и согласования привел к выработке министерствами внутренних и иностранных дел совместно с министерством госимуществ принципов, на основе которых могло бы состояться это переселение, но так, чтобы не нарушить «коренных постановлений империи о раскольниках» [4, л. 24]. В этих «принципах» утверждалось, что «в России раскольники за мнения их о вере не преследуются, но им запрещается совращать и склонять кого-либо в свой раскол», чинить дерзости против православной церкви и ее священников, «и вообще уклоняться почему-либо от наблюдения общих правил благоустройства, законом определенных». Старообрядцам будет дозволено исполнять требы по их обрядам, но без «публичного оказательства раскола». Им разрешалось иметь для богослужений молитвенный дом и даже периодически ремонтировать его [4, л. 51–51 об.]. Однако все знали, что любое действие старообрядцев можно было истолковать как публичное оказательство раскола, как дерзость против православной церкви, и потом речь шла о молитвенном доме, а не о церкви, и ни слова не было сказано об иерархии и откуда старообрядцы вообще будут брать своих священников. Эти принципы не давали ответа ни на один поставленный Аркадием пункт условий.

Осенью 1863 г. О. С. Гончаров передал от имени всех старообрядцев Австрии, Молдавии, Турции в российское представительство в Константинополе адрес Александру II, который был составлен им при участии еп. Аркадия. В адресе опять прозвучала просьба о предоставлении свободы вероисповедания: «Ни о чем ином просим точию отерпимости вер; освободе публичнаго богослужения, так как пользуемся мы Воозначенных державах, да будет таже свобода и в русском Государстве» [5, с. 468]. На сей раз советчиком в делах о веротерпимости оказался не российский дипломат, а А. И. Герцен.

Гончаров познакомился в Константинополе с сотрудником Вольной типографии Герцена В. И. Кельсиевым, приехавшим к некрасовцам для организации типографии и ведения среди них революционной пропаганды. Кельсиев порекомендовал Осипу Семеновичу, собиравшемуся летом 1863 г. по торговым делам в Париж, захватить в Лондон и познакомиться с Герценом. В августе Гончаров съездил в Лондон и пробыл в доме Герцена три дня. О том, что они обсуждали эту проблему, свидетельствует письмо Гончарова в Лондон от 2 февраля 1864 г.: «<...> ибо по вашему же наставлению я обсудил в кругу своих достопочтеннейших лиц написать о веротерпимости российскому государю-императору <...>» [6, с. 75].

О подаче этого адреса российскому императору стало известно турецкому правительству. Естественно, что его гнев обрушился прежде всего на еп. Аркадия и на Гончарова. Аркадий срочно уехал в Измаил (Молдавское княжество) и обратился за помощью к российскому агенту А. С. Романенко, чтобы тот помог ему получить паспорт и уехать в Россию. Романенко ходатайствовал через Министерство иностранных дел перед правительством, представив Аркадия жертвой преследования со стороны Турции за проявление верноподданнических чувств к Александру II. Предполагалось, что Ар-

кадий приедет не как епископ, а как простой мирянин. Однако Синод высказался против, и ему отказали во въезде [7, л. 39 об.].

Гроза миновала, епископ вернулся в свой Славский монастырь в Добрудже, но уже сам факт, что Россия непустила его даже по паспорту мирянина, показал, что все надежды некрасовцев на возвращение со своими архиереям совершенно безосновательны.

Однако отказ все-таки не стал последней точкой в переговорах о эмиграции, и лидеры некрасовцев ожидали каких-то перемен в политике Александра II. В декабре 1864 г. около 200 семейств старообрядцев Брэила (Валахия) и окрестностей обратились к галацкому консулу с просьбой о переселении [2, л. 56]. Брэильцы настаивали на переселении вместе с духовенством и создании в России своей самостоятельной Церкви. Окончательная редакция прошения брэильских старообрядцев принадлежала перу еп. Аркадия. В документе приводились примеры веротерпимости, проявленной прежними царями, и говорилось, что в царствие Александра II они ожидают «совершенной веротерпимости», ставя, таким образом, свое возвращение в прямую зависимость от политики императора [2, л. 150–150 об.]. А. С. Романенко – на тот момент консул в Галаце – и А. Н. Кудрявцев встречались с духовенством и представителями брэиловских старообрядцев, пытались уговорить их отказаться от требований.

В 1864 г. при самом непосредственном участии Гончарова и еп. Аркадия казаки-некрасовцы Добруджи подали прошение султану Абул Азису о переводе их из казаков в сословие райя (крестьян), при этом они, естественно, лишались всех льгот и привилегий, которых у них после Крымской войны осталось немного. Некрасовцы решились на этот шаг по нескольким причинам: одна из них – это ожидание будущего воссоединения с русским народом – им не хотелось даже формально считаться его врагами [1, л. 4 об.].

В течение 1865 г. неоднократно состоялись тайные свидания в Тульче Кудрявцева и Романенко, с одной стороны, и еп. Аркадия, Гончарова и тульчинского священника Григория, с другой. Из этих беседований стало окончательно понятно, что Аркадий, а значит и все старообрядцы, остаются на тех же позициях, что и прежде, но А. С. Романенко все же отметил, что изменения в позиции епископа возможны и зависят от «москвичей», т.е. российской старообрядческой части иерархии. Он предлагал, чтобы православное духовенство воздействовало на московских старообрядцев, а через них и на зарубежных [2, л. 142–143 об.]. Об этом же в своих донесениях сообщал Кудрявцев [2, л. 135 об.].

Наконец в январе 1866 г. по повелению царя состоялось особое совещание в составе начальника III отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, министров иностранных дел, государственных имуществ, внутренних дел. Они решили впредь допускать к переселению только тех раскольников, которые вообще не будут ставить вопрос об иерархии, однако особое совещание поручило генерал-губернатору Москвы кн. В. А. Долгорукому попытаться «доверительным путем» склонить влиятельных московских старообрядцев, оказавшихся «в последнее время более благонадежными», чтобы они «разъяснили своим заграничным единоверцам всю неуместность их требований в отношении их духовенства и изъятия его из ведения епархиальных начальств» [4, л. 66 об.]. Это свидетельствует о том, что

у высшей администрации заинтересованность в возвращении заграничных старообрядцев в Россию все-таки еще была.

В 1867 г. вместо Кудрявцева вице-консулом в Тульчу был назначен К. Н. Леонтьев, человек консервативных взглядов, в будущем известный философ и публицист. Сразу же по приезде на место он встретился с Гончаровым, чтобы обсудить с ним тему переселения. Леонтьев сразу понял, что в тех условиях возвращения старообрядцев в Россию в принципе быть не может, а кроме того, он полагал, что русскому правительству «нет особенной выгоды переселять в наши пределы раскольников из Турции, что достаточно было бы поддерживать с ними хорошие сношения», так как присутствие старообрядцев в Турции «представляет важную опору для нашего влияния в этом крае» [8, с. 144], тем более что турки «омусульманивают» Добруджу, поселяя там татар, черкесов, турок, и надо «дорожить всякой русской семьей в этой стороне и не благоприятствовать переселению отсюда раскольников без крайней надобности», при этом он отметил «чрезвычайную преданность» старообрядцев русскому императору [8, с. 157, 192]. Переселение, кроме того, было еще и дорогостоящим мероприятием, на которое у страны не было денег. Позиция Леонтьева, очевидно, была одобрена и принята, а в 1869 г. смерть еп. Аркадия (Шапошникова) поставила последнюю точку в этом вопросе.

На фоне периодически возникавших реэмиграционных движений зарубежных старообрядцев, выдвигавших экономические и умеренные религиозные требования, лидеры движения 1860-х гг. в своих заявлениях и требованиях декларировали его религиозно-политический характер, хотя, безусловно, экономическая составляющая в нем присутствовала. Ведущая роль в придании ему такого характера принадлежала еп. Аркадию (Шапошникову) и О. Гончарову. Определенную роль в этом процессе сыграли и российские дипломаты, косвенное участие в нем принял А. И. Герцен.

Выдвижение условий, писание прошений и адресов на имя государя и его министров с требованием свободы религии, освобождения узников совести – это новое явление для заграничных старообрядцев, почувствовавших новые политические веяния в России и Европе, новая форма борьбы как за собственное право на обретение Отечества, так и за гражданские права старообрядцев в России. Несмотря на заинтересованность в возвращении некресовцев, несмотря на проведение реформ, правительство было не готово к смене своего политического курса в религиозной сфере. В тот исторический период реэмиграция на выдвинутых еп. Аркадием условиях состояться не могла, а до принятия в России царского Манифеста от 14 апреля 1905 г. о веротерпимости оставалось еще более 40 лет.

Библиографический список

1. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 246. К. 172. Д. 2.
2. Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 1. Оп. 249. Д. 498.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 218. 1867 г. Д. 7.
4. РГИА. Ф. 1284. Оп. 218. 1861 г. Д. 11.
5. **Герцен, А. И.** Полное собрание сочинений и писем : в 22 т. / А. И. Герцен ; под ред. М. Лемке. – М. ; Пг. : Издатель А. Ф. Маркс, 1920. – Т. 16. – 580 с.

6. Из переписки О. С. Гончарова с Герценом и Огаревым // Литературное наследство. – М. : Изд-во Ин-та мировой литературы, 1955. – Т. 62. – 894 с.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Эксп. 1. Оп. 39. 1864 г. Д. 8. Ч. 4.
8. Константин Николаевич Леонтьев. Дипломатические донесения, письма, записки, отчеты. 1865–1872 / сост. К. М. Долгов. – М. : РОССПЭН, 2003. – 526 с.

References

1. *Otdel rukopisey Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki (OR RGB)* [Department of Manuscripts of the Russian State Library]. F. 246. K. 172. D. 2.
2. *Gosudarstvennyy arkhiv Odesskoy oblasti (GAOO)* [State Archive of Odessa region]. F. 1. Op. 249. D. 498.
3. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archive]. F. 1284. Op. 218. 1867 g. D. 7.
4. *RGIA*. F. 1284. Op. 218. 1861 g. D. 11.
5. Gertsen A. I. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 22 t.* [Complete set of works and letters: in 22 volumes]. Moscow; Petrograd: Izdatel' A. F. Marks, 1920, vol. 16, 580 p.
6. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Moscow: Izd-vo In-ta mirovoy literatury, 1955, vol. 62, 894 p.
7. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation]. F. 109. Eksp. 1. Op. 39. 1864 g. D. 8. Ch. 4.
8. *Konstantin Nikolaevich Leont'ev. Diplomaticheskie doneseniya, pis'ma, zapiski, otchety. 1865–1872* [Konstantin Nikolaevich Leontyev. Diplomatic reports, letters, notes, reports. 1865–1872]. Comp. by K. M. Dolgov. Moscow: ROSSPEN, 2003, 526 p.

Иникова Светлана Александровна
кандидат исторических наук, ведущий
научный сотрудник, Институт этнологии
и антропологии имени Н. Н. Миклухо-
Маклая Российской академии наук
(Россия, г. Москва,
Ленинский проспект, 32а)

E-mail: info@iea.ras.ru

Inikova Svetlana Aleksandrovna
Candidate of historical sciences, leading
researcher, Institute of Ethnology and
Anthropology named after N. N. Miklukho-
Maclay of the Russian Academy of Sciences
(32a Leninsky avenue, Moscow, Russia)

УДК 94(47)+28

Иникова, С. А.

Резмиграционное движение старообрядцев Добруджи в 1860-е гг.: между религией и политикой / С. А. Иникова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2018. – № 2 (46). – С. 135–144. – DOI 10.21685/2072-3024-2018-2-13.